

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»

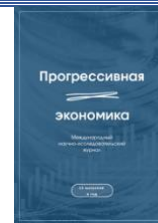
№ 12 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/evolyucziya-institutov-modernizaczii-osnovnogo-kapitala-ot-investiczij-k-proizvodstvenno-tehnologicheskomu-sozidaniyu-v-usloviyah-novoj-ekonomicheskoj-realnosti/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 330.322.01

DOI: 10.54861/27131211_2025_12_400

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА: ОТ ИНВЕСТИЦИЙ К ПРОИЗВОДСТВЕННО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СОЗИДАНИЮ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Чиканова Е.С., профессор, Краснодарский университет МВД России,
350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Ярославская ул., 128.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-7646>*

Аннотация. Статья посвящена решению научной проблемы преодоления системного кризиса традиционной модели модернизации, сведенной к экстенсивному инвестированию в физический капитал. Актуальность исследуемой проблематики обусловлена тем, что в условиях исчерпания потенциала данной модели и критического уровня износа основных фондов актуализируется поиск новой парадигмы, интегрирующей технологический прогресс с институциональными и человеческими факторами. Гипотеза исследования заключается в том, что преодоление системного кризиса модернизации основного капитала невозможно в рамках устаревшей парадигмы экстенсивного инвестирования и требует становления новой доминирующей институции – производственно-технологического созидания. Научная новизна настоящего исследования заключается во введении и обосновании концепта «институция производственно-технологического созидания» как зарождающейся доминирующей формы, приходящей на смену узким институтам инвестирования. Научными результатами являются: разработка типологии экономического поведения участников модернизации с противопоставлением рентно-адаптивных и проактивно-созидательной моделей; раскрытие кадрового императива новой институции, требующей симбиоза высококвалифицированной рабочей силы и интеллектуального капитала. Полученные выводы имеют прикладное значение для корректировки экономической политики, направленной на формирование институциональной среды, стимулирующей созидательное поведение. Достигнутые научные результаты также обладают теоретической значимостью, поскольку могут быть полезны исследователям в области институциональной и эволюционной экономической теории, специалистам по управлению инновациями и модернизацией, а также лицам, формирующим промышленную и научно-техническую политику.

Ключевые слова: основной капитал, модернизация, институты, производственно-технологическое созидание, экономическое поведение, интеллектуальный капитал, новая экономическая реальность.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чиканова Е.С. Эволюция институтов модернизации основного капитала: от инвестиций к производственно-технологическому созиданию в условиях новой экономической реальности // Прогрессивная экономика. 2025. № 12. С. 400–418. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_12_400.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025 г. Одобрена после рецензирования: 29.12.2025 г. Принята к публикации: 29.12.2025 г.

THE EVOLUTION OF INSTITUTIONS FOR THE MODERNIZATION OF FIXED ASSETS: FROM INVESTMENT TO INDUSTRIAL AND TECHNOLOGICAL CREATION IN THE NEW ECONOMIC REALITY

*Chikanova E.S., Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Yaroslavskaya St., 128
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-7646>*

Annotation. The article is devoted to solving the scientific problem of overcoming the systemic crisis of the traditional model of modernization, reduced to extensive investment in physical capital. The relevance of the problem under study is due to the fact that in conditions of exhaustion of the potential of this model and a critical level of depreciation of fixed assets, the search for a new paradigm integrating technological progress with institutional and human factors is becoming more urgent. The hypothesis of the study is that overcoming the systemic crisis of modernization of fixed assets is impossible within the outdated paradigm of extensive investment and requires the formation of a new dominant institution – industrial and technological creation. The scientific novelty of this study lies in the introduction and substantiation of the concept of "institution of industrial and technological creation" as an emerging dominant form replacing narrow investment institutions. The scientific results are: the development of a typology of economic behavior of modernization participants with the opposition of rent-adaptive and proactive-creative models; the disclosure of the personnel imperative of a new institution requiring a symbiosis of highly skilled labor and intellectual capital. The findings are of practical importance for adjusting economic policy aimed at creating an institutional environment that encourages creative behavior. The scientific results achieved also have theoretical significance, as they can be useful to researchers in the field of institutional and evolutionary economic theory, specialists in innovation and modernization management, as well as those who form industrial and scientific and technical policy.

Keywords: fixed capital, modernization, institutions, industrial and technological creation, economic behavior, intellectual capital, new economic reality.

JEL classification: A11, E22, Z13.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Chikanova E.S. (2025) Evolyutsiya institutov modernizatsii osnovnogo kapitala: ot investitsii k proizvodstvenno-tekhnologicheskomu sozidaniyu v usloviyakh novoi ekonomicheskoi real'nosti [The evolution of institutions for the modernization of fixed assets: from investment to industrial and technological creation in the new economic reality]. Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy], 12, 400–418, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_12_400 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 21/11/2025. Approved after review: 29/12/2025. Accepted for publication: 29/12/2025.

Введение

Современный этап экономического развития характеризуется глубинным кризисом традиционной модели модернизации, сводимой к экстенсивному инвестированию в физическое замещение устаревших активов. Потенциал этой модели оказывается исчерпанным в условиях ускорения технологических изменений и обострения глобальной конкуренции. Нарастание системных дисфункций наглядно демонстрирует официальная статистика: по данным Росстата, уровень износа основных фондов в ключевых отраслях российской промышленности – добывающей, обрабатывающей, транспортной – устойчиво превышает 50%, достигая в ряде сегментов критических 65–70%. [12]. Это свидетельствует не только о физическом старении оборудования, но и о структурном кризисе, выходе за «пороги меры», когда накопленные проблемы блокируют эволюционное развитие и требуют кардинального обновления технологического ядра экономики. Основу проблемы образует фундаментальное противоречие между объективной необходимостью радикального обновления основного капитала и неадекватностью существующих институциональных механизмов, исторически ориентированных на перераспределение ренты и поддержку устаревающих производственных моделей [19; 12].

Цель настоящего исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирической верификации тезиса о становлении в условиях новой экономической реальности новой комплексной институции – производственно-технологического созидания – и выявлении адекватных ей форм экономического поведения. На уровне форм экономического поведения и статусов индивидов, участвующих в данном процессе, разработана институция производственно-технологического творчества, обоснована необходимость государственной и общественной поддержки высокой общественной оценки данной институции, позволяющей обеспечить успешное осуществление модернизации основного капитала российской экономики.

Гипотеза исследования заключается в том, что преодоление системного кризиса модернизации основного капитала невозможно в рамках устаревшей

парадигмы экстенсивного инвестирования и требует становления новой доминирующей институции – производственно-технологического созидания. Эта институция, формируясь как ответ на превышение «пороговых значений» износа и институциональных дисфункций, порождает на микроуровне проактивно-творческий тип экономического поведения, который противостоит и должен вытеснить доминирующую сегодня рентно-адаптивную модель.

Обзор литературы

Теоретико-методологические основы исследования проблемы модернизации основного капитала и связанных с ней институциональных трансформаций получили широкое освещение в современной научной литературе. Классический подход, идентифицирующий накопление капитала как ключевой драйвер роста, представлен в трудах А. Смита [13]. Кардинальный сдвиг в сторону качественных изменений внесла концепция «созидательного разрушения», сместившая акцент с объема инвестиций на инновационный процесс и предпринимательский дух [17]. Современный этап характеризуется переходом к синтетическим теориям, где центральное место отводится роли институциональной среды. Работы Д. Аджемоглу и соавторов убедительно доказывают, что долгосрочный успех технологического развития предопределен качеством инклюзивных экономических институтов [20]. В.М. Полтерович детально анализирует ограниченность институтов «догоняющего развития» и порождаемые ими институциональные ловушки, консервирующие технологическую зависимость [12]. Г.Б. Клейнер исследует модернизацию в контексте становления экономики экосистем, что требует новых принципов координации [8]. Проблема доминирования рентно-адаптивного поведения в российской экономике и его тормозящего влияния на обновление основного капитала рассматривается в работах Б.А. Ерзнкяна [5] и Г.И. Ханина [17]. Вопросы трансформации кадрового потенциала и перехода от концепта рабочей силы к интеллектуальному капиталу в условиях новой экономической реальности освещаются Т. Стюартом [14], А.А. Ермоленко [6] и О.Ю. Мамедовым [9]. Анализ современного состояния инвестиций в основной капитал и выявление структурных проблем представлены в исследованиях И.А. Горелкиной и Д.В. Беды [4], а также О.С. Сухарева [15]. Эволюционный и институциональный подходы к анализу экономических изменений системно изложены в трудах О.В. Иншакова и Д.П. Фролова [7], В.Л. Тамбовцева [15] и О. Уильямсона [21].

Несмотря на значительный объем научных работ, посвященных отдельным аспектам модернизации, инвестиций и институциональной динамики, в литературе сохраняется научный пробел. Он заключается в отсутствии целостной теоретической конструкции, которая: интегрировала бы технологический, человеческий и институциональный аспекты модернизации в единую систему; концептуализировала бы зарождающийся институт,

адекватный вызовом новой экономической реальности, где технологический прогресс неразрывно связан с самореализацией человеческого потенциала; операционализировала бы разделение экономического поведения на рентно-адаптивное и проактивно-созидательное как ключевой микроуровневый механизм институциональной трансформации.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на синтезе институционального и эволюционного подходов, что позволяет адекватно анализировать динамику и комплексность изучаемого феномена. Институциональный подход, в традициях О. Уильямсона [21], применяется для анализа формальных и неформальных правил, механизмов управления и возникающих поведенческих моделей. Эволюционный подход, развиваемый в трудах О.В. Иншакова и Д.П. Фролова [7], используется для изучения траектории развития институтов модернизации, зависимости от предшествующего пути и выявления точек бифуркации. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анализа вторичных статистических источников (данные Росстата). Аналитическая обработка данных включала методы сравнительного и типологического анализа для верификации гипотезы и построения авторской классификации.

С нашей точки зрения, предлагаемый концептуальный переход от инвестиций к созиданию является не просто терминологическим упражнением, а отражением назревшей парадигмальной трансформации. Он позволяет сместить фокус с финансовых потоков на системные условия, порождающие качественное обновление, и рассматривать человека не как ресурс, а как центральный субъект технологического преобразования.

Результаты и обсуждение

Осмысление институциональных основ модернизации требует методологического синтеза, способного охватить как структурные, так и динамические аспекты этого процесса. В качестве такой основы выступает интеграция институционального подхода, разработанного О. Уильямсоном для анализа механизмов управления транзакциями, и эволюционной экономической теории, развиваемой в трудах С.Н. Иншакова и Д.П. Фролова [7]. Такой синтез позволяет преодолеть статичный взгляд на модернизацию как на единовременную реформу и раскрыть ее сущность в качестве длительного, зависящего от предшествующего пути развития процесса, где каждое последующее институциональное изменение обусловлено исторически сложившимся контекстом [21].

Генезис представлений о модернизации уходит корнями в античную философию и классическую политическую экономию. Еще Аристотель, проводя различие между «экономикой» и «хрематистикой», заложил основы для понимания различного качества хозяйственной деятельности. Адам Смит, идентифицировав накопление капитала как ключевой двигатель роста, по

сути, выделил первый специфический институт модернизации, связав благосостояние наций с производительным трудом и масштабами инвестирования [13]. В рамках этой классической парадигмы модернизация фактически редуцировалась к валовому накоплению основного капитала (ВНОК), а центральной задачей экономической политики виделось преодоление «инвестиционного разрыва», то есть недостатка физических инвестиций. Этот подход, остающийся, к сожалению, доминирующим в практике многих управленческих органов, остро нуждается в пересмотре.

Кардинальный сдвиг в теории произошел с поворотом, инициированным Йозефом Шумпетером. Он сместил акцент с объема накопления на качество и характер его использования, введя в научный оборот концепцию «созидательного разрушения». Согласно Шумпетеру, ядро подлинной модернизации составляет не капитал как таковой, а инновационный процесс, движимый предпринимательским духом. Именно предприниматель, осуществляя новые комбинации ресурсов, становится агентом качественного обновления экономики. Данный подход расширил понимание модернизации, включив в него такие элементы, как научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и институты, поддерживающие предпринимательскую инициативу [17].

Современный этап развития теории характеризуется переходом к синтезу, где центральное место отводится роли институциональной среды в целом. Работы Дарена Аджемоглу и его соавторов убедительно демонстрируют, что направление и успех технологического развития в долгосрочной перспективе не предопределены экзогенно, а являются следствием качества институтов. Критическую роль играют так называемые инклюзивные экономические институты, которые обеспечивают защиту прав собственности, верховенство права и создают равные условия конкуренции. Такие институты порождают широкие стимулы для инвестиций в физический и человеческий капитал, а также для генерации инноваций, результаты которых распределяются в интересах значительной части общества [20].

В противовес им, институты «догоняющего развития», детально проанализированные В.М. Полтеровичем, зачастую оказываются неспособны обеспечить прорывную модернизацию. Будучи ориентированными на заимствование и адаптацию готовых технологий, они склонны порождать институциональные ловушки – устойчивые неэффективные состояния, из которых трудно выйти. Эти ловушки подавляют эндогенную креативность, консервируют технологическую зависимость и воспроизводят рентно-адаптивное, а не проактивно-созидательное поведение экономических агентов [11].

Таким образом, ретроспективный анализ позволяет выявить магистральную логику эволюции теоретических представлений: от идеи простого воспроизводства к инвестиционному росту, далее – к

инновационному развитию и, наконец, к становлению интегральной концепции института созидания. Эта современная модель преодолевает узкую трактовку модернизации, интегрируя технологические, человеческие и ценностные аспекты в единую систему. С нашей точки зрения, именно такой целостный подход адекватен вызовам современности, поскольку признает, что успешная модернизация требует не просто вливания капитала или внедрения отдельных технологий, но одновременной и коэволюционной трансформации как технологического уклада, так и глубинных социально-экономических институтов, определяющих мотивацию и поведение людей.

Выявленная логика эволюции теоретических представлений закономерно приводит нас к необходимости концептуализации нового институционального образования, адекватного вызовам современности. Этим образованием, на наш взгляд, является институция производственно-технологического созидания, которая представляет собой не просто очередную управленческую схему, а целостный социально-экономический феномен. Ее сущность заключается в формировании устойчивой системы формальных и неформальных норм, правил и организационных структур, закрепляющих в практике хозяйствующих субъектов системную ориентацию на непрерывное и творческое обновление основного капитала. Ключевым отличием от предшествующих моделей выступает неразрывная связь технологического прогресса с самореализацией человеческого потенциала, где обновление средств производства перестает быть самоцелью и превращается в процесс коллективного и личностного смыслотворчества.

Философско-антропологическое измерение данной институции невозможно раскрыть без обращения к «философии активной жизни», разработанной Аурелио Печчеи [10]. В контексте нашего исследования эта философия обретает конкретное экономическое звучание: она проявляется в ценностном сдвиге от пассивного потребления и рентной мотивации к активному, творческому участию в преобразовании материальной и технологической среды. В постиндустриальном обществе на смену традиционному работнику, ориентированному на выполнение стандартизированных операций, приходит «созидатель» – субъект, для которого труд становится пространством для применения креативных способностей, решения нестандартных задач и личностной самореализации. Таким образом, новая институция укоренена в глубокой трансформации социальных ценностей, делая творчество и развитие не периферийным элементом, а центральным императивом экономической деятельности.

Этот ценностный сдвиг является не только культурным феноменом, но и прямым ответом на жесткий экономический императив, связанный с исчерпанием возможностей старой модели. Мы наблюдаем «переход порогов меры» в накоплении системных дисфункций основного капитала, когда количественное накопление проблем перерастает в качественное изменение

системы. Данные Росстата за последнее десятилетие рисуют однозначную картину: несмотря на отдельные колебания, уровень износа основных фондов в критически важных отраслях, таких как обрабатывающие производства (свыше 48%) и транспорт (около 57%), сохраняется на критически высоком уровне [12]. Более того, структура инвестиций в основной капитал продолжает демонстрировать устойчивую ориентацию на простое замещение, а не на кардинальное технологическое обновление. Значительный объем вложений по-прежнему направляется в добывающий сектор и инфраструктурные проекты с длительным сроком окупаемости, тогда как удельный вес инвестиций в интеллектуальную собственность, научные исследования и разработки остается недостаточным для обеспечения технологического прорыва. Сложившаяся ситуация свидетельствует не просто о временных трудностях, а о глубоком структурном кризисе, преодоление которого невозможно в парадигме экстенсивного инвестирования.

Именно поэтому ядром и главным результатом функционирования институции производственно-технологического созидания становится формирование нового типа экономического поведения. Опираясь на концепцию «институционального поведения», мы можем противопоставить две фундаментальные поведенческие модели. С одной стороны, это поведение «рантье» или адаптивного получателя ренты, которое ориентировано на максимизацию краткосрочной выгоды в рамках сложившейся институциональной среды. Такой субъект извлекает доход из контроля над существующими ресурсами и статусными позициями, избегая рисков, связанных с кардинальными преобразованиями. Его действия репродуктивны и направлены на сохранение статус-кво [5].

С другой стороны, институция созидания порождает и поощряет поведение «созидателя» – проактивного субъекта, нацеленного на долгосрочное развитие и преобразование самой среды своего функционирования. Экономическое поведение созидателя характеризуется принятием стратегических рисков, ориентацией на создание новой стоимости, а не на перераспределение существующей, и готовностью к непрерывному обучению и саморазвитию. Его целевая функция включает не только материальную выгоду, но и нематериальные компоненты – профессиональное признание, реализацию творческого потенциала, внесение вклада в решение значимых технологических задач. Формирование критической массы именно таких субъектов является ключевым условием перехода от деградиционной траектории развития к траектории опережающего роста.

Таким образом, институция производственно-технологического созидания предстает как комплексный ответ на системный кризис. Она интегрирует в себе философско-ценностный фундамент, адекватный вызовам постиндустриальной эпохи, конкретный экономический императив, диктуемый критическим состоянием основного капитала, и поведенческую

модель, обеспечивающую практическую реализацию качественного обновления. Ее становление знаменует переход от экономики, управляемой логикой ренты и адаптации, к экономике, движимой творчеством и стратегическим созиданием. Успешная трансформация в этом направлении требует, однако, наличия определенных кадровых и интеллектуальных предпосылок.

Переход от теоретического обоснования институции производственно-технологического созидания к анализу практических механизмов ее функционирования требует изучения двух взаимосвязанных элементов: доминирующих моделей экономического поведения и качественного состава кадрового потенциала. Именно на этом микроуровне происходит столкновение старой и новой парадигм, определяя реальную траекторию модернизационного процесса.

Результаты оценки различных форм экономического поведения участников модернизации основного капитала применительно к условиям новой экономической реальности представлены в табл. 1. Анализ таблицы позволяет не просто систематизировать формы экономического поведения, но и выявить их фундаментальную логику в контексте институциональной трансформации. Данная классификация наглядно демонстрирует глубокий водораздел между адаптивно-деструктивными моделями, приспособленными к существующей среде, и единственной созидательной формой, конституирующей новую институциональную реальность.

Первые четыре формы – потребительство, рентоискательство, неолуддизм и хищничество – представляют собой различные проявления рентно-адаптивной парадигмы. Их объединяет общий принцип: извлечение выгоды не за счет создания новой стоимости в процессе модернизации, а посредством эксплуатации самого этого процесса, его ресурсов или институциональных изъянов. Примечательно, что способы извлечения выгоды варьируются от пассивной имитации (потребительство) до активного противодействия и прямого хищения (неолуддизм, хищничество). Однако результат, с точки зрения вклада в модернизацию, всегда отрицателен: от потери ресурсов и подрыва доверия до прямого торможения и разрушения. Особого внимания заслуживает описание неолуддизма, который раскрыт не просто как консерватизм, а как активное противостояние, мотивированное специфической рентой морального удовлетворения от относительного ухудшения положения других. Это указывает на глубоко укорененные социокультурные барьеры, превращающие часть агентов в сознательных «тормозов» прогресса.

Таблица 1

Оценка различных форм экономического поведения участников модернизации основного капитала применительно к условиям новой экономической реальности

Table 1

Assessment of various forms of economic behavior of participants in the modernization of fixed assets in relation to the conditions of the new economic reality

Формы экономического поведения участников модернизации основного капитала	Способы извлечения выгоды, применяемые при этих формах экономического поведения	Выгода, извлекаемая при этих формах экономического поведения	Вклад этих форм в модернизацию основного капитала
Потребительство, приспособляющееся к модернизации основного капитала (пассивное приспособление)	Формальное соответствие требованиям программ модернизации без реального качественного обновления. Получение государственных субсидий, льгот или иных преференций на цели, не ведущие к технологическому прорыву	Финансовая выгода (субсидии, льготы) и/или репутационная выгода (формальное выполнение планов) без существенных затрат на реальные изменения.	Ресурсная неэффективность. Отвлекает финансовые и административные ресурсы на имитационную деятельность, не создающую новой стоимости и не решающую проблему износа.
Рентоискательство, приспособляющееся к модернизации основного капитала (активное приспособление)	Создание административных или рыночных барьеров (лоббирование, использование монопольного положения) для получения гарантированного дохода от процесса модернизации, часто через перепродажу оборудования, inflated-контракты или коррупционные схемы.	Фиксированный рентный доход, извлекаемый из контроля над транзакциями или ресурсами в рамках проектов модернизации, вне зависимости от их итоговой технологической эффективности.	Институциональная деградация. Подорывает конкурентные принципы, искажает систему стимулов, ведет к росту издержек и снижению качества закупаемых технологических решений.
Неолуддизм, списывающий на обновление технологического базиса проблемы устаревания собственных компетенций	Противодействие внедрению новых технологий через административное саботирование, блокировку инициатив, распространение негативного информационного фона. Мотивация – сохранение статус-кво, устаревших компетенций и связанных с ними позиций.	Нематериальная выгода: сохранение текущего положения, власти, избегание необходимости в сложном переобучении; психологическая выгода от торможения изменений, воспринимаемых как угроза.	Технологическое торможение. Прямо блокирует или существенно замедляет внедрение новых технологий и процессов, консервируя техническую отсталость.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Хищничество (хищническое поведение, или ложное частное предпринимательство)	Прямое незаконное изъятие ресурсов, выделенных на модернизацию: хищения, мошенничество с контрактами, рейдерский захват активов, связанных с обновлением.	Финансовая выгода, полученная криминальным путем в ущерб целям и бюджету модернизационного проекта.	Прямое разрушение. Наносит непосредственный материальный ущерб проектам, вплоть до их срыва. Полностью уничтожает доверие участников, делает любые долгосрочные инвестиции чрезмерно рискованными.
Органическое встраивание участника в процесс модернизации основного капитала (институция производственно-технологического созидания)	Активное участие в создании новой стоимости через непосредственную разработку, внедрение и освоение новых технологий, оборудования и процессов. Инвестиции в НИОКР и человеческий капитал.	Легальная экономическая выгода (прибыль, рост капитализации), производная от успеха проекта модернизации и создания конкурентных преимуществ, а также нематериальная выгода (репутация, реализация потенциала).	Созидательный драйвер. Обеспечивает реальное, качественное обновление основного капитала, повышение производительности и формирование основ для долгосрочного устойчивого роста. Является единственной формой, непосредственно реализующей цели модернизации.

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

В радикальном противопоставлении этим формам находится поведение органического встраивания, которое в работе идентифицируется с институцией производственно-технологического созидания. Его принципиальное отличие заключается в том, что способ извлечения выгоды совпадает с общественно полезным результатом: выгода производна от успешного продвижения самого процесса модернизации и участия в его плодах. Легитимность дохода здесь прямо обусловлена вкладом в создание новой стоимости. Данная форма представляет собой не просто «хорошее» поведение, а единственную экономически устойчивую модель в условиях зрелой институции созидания, где институциональные стимулы перенастроены с перераспределения ренты на генерацию инноваций [18].

Выводы, вытекающие из сопоставительного анализа таблицы, носят концептуальный характер. Во-первых, эмпирически подтверждается выдвинутый в исследовании тезис о бифуркации экономического поведения на рентно-адаптивное и проактивно-созидательное. Таблица операционализирует эту дихотомию, наполняя ее конкретными поведенческими проявлениями и механизмами. Во-вторых, становится очевидным, что ключевым вызовом политики модернизации является не столько борьба с каждой из негативных форм по отдельности, сколько системное изменение институциональной матрицы вознаграждений. Пока извлечение ренты через имитацию, создание защищенных позиций или хищение остается экономически более рациональным и менее рискованным, чем долгосрочное созидание, доминирование деструктивных форм будет сохраняться. Наконец, таблица убедительно показывает, что институция созидания – это не абстрактная ценность, а конкретный механизм, перестраивающий фундаментальную логику экономического действия, связывая личный успех агента с успехом коллективного технологического прорыва. Таким образом, практическая задача сводится к созданию таких формальных и неформальных правил, которые делают поведение «органического встраивания» не единственно моральным, но и единственно рациональным с точки зрения экономического выживания и успеха.

Сфокусируем дальнейшее исследование на установленной нами институции производственно-технологического созидания, позитивной для модернизации основного капитала. Раскроем содержание данной институции и соотнесем ее с уже известными институциями (рис. 1).

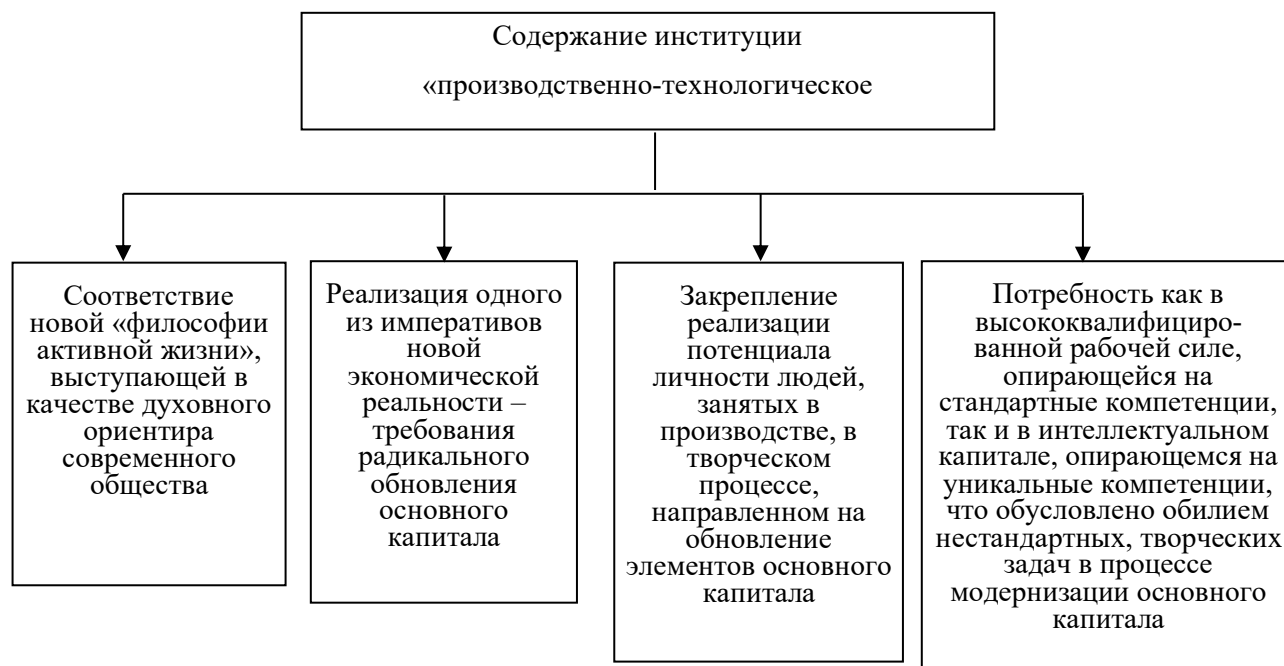

Рис. 1. Содержание институции «производственно-технологическое созидание»

Источник: составлено автором

Fig. 1. The content of the institution "industrial and technological creation"

Source: compiled by the author

Содержание институции раскрывается через три взаимосвязанных аспекта, образующих ее смысловое ядро. Во-первых, она выступает практическим воплощением «философии активной жизни» (А. Печчеи), становящейся духовным ориентиром постиндустриального социума [10]. Это означает, что институция укоренена в глубинной ценностной трансформации, смещающей вектор человеческой активности от пассивного приспособления и потребления к творческому преобразованию материального мира. В экономическом измерении данная философия материализуется как норма, закрепляющая самореализацию личности непосредственно в процессе труда, направленного на технологическое обновление.

Во-вторых, институция представляет собой конкретно-исторический ответ на императив новой экономической реальности – требование радикального, а не частичного обновления основного капитала. Она возникает не как абстрактная идея, а как необходимое условие преодоления «пороговых значений» износа и системной дисфункции. Таким образом, ее содержание включает в себя набор формальных правил, организационных структур и неформальных норм, призванных операционализировать этот императив, превратив его из угрозы в источник развития [6].

В-третьих, институция напрямую связывает технологический прогресс с антропологическим измерением, закрепляя реализацию человеческого

потенциала в творческом процессе обновления средств производства. Это ключевое отличие от предыдущих институтов модернизации, где человек чаще рассматривался либо как источник затрат (рабочая сила), либо как пассивный пользователь технологий. Здесь личность становится центральным субъектом и бенефициаром преобразований.

Данное триединое содержание закономерно определяет и специфику требуемого кадрового потенциала. Институтация созидания порождает симбиотическую потребность в двух типах ресурсов: в высококвалифицированной рабочей силе как носителе стандартных компетенций, обеспечивающей технологическую дисциплину и воспроизводство сложных систем, и в интеллектуальном капитале как носителе уникальных, неявных знаний и креативных способностей, необходимых для решения нестандартных задач и генерации прорывных решений. Обилие творческих задач в процессе глубокой модернизации делает этот симбиоз не просто желательным, а императивно необходимым.

Соотнесение установленной институции с уже известными в экономической теории позволяет четче обозначить ее место в институциональной матрице. Она не отменяет и не заменяет собой такие базовые институты, как частная собственность или контрактные отношения, но наполняет их новым качественным содержанием, ориентируя на долгосрочные созидательные цели. Она развивает и конкретизирует институт инноваций, смещая акцент с единичного акта внедрения новшества на непрерывный процесс коллективного творчества, встроенный в повседневную производственную практику. При этом она находится в оппозиции и служит альтернативой институтам рентоориентированного поведения и институциональным ловушкам «догоняющего развития», которые она призвана преодолеть.

Таким образом, формирование институции производственно-технологического созидания требует преодоления фундаментального противоречия. С одной стороны, она объективно нуждается в симбиозе двух кадровых компонентов: массовой высококвалифицированной рабочей силы для поддержания технологической дисциплины и элитного интеллектуального капитала для генерации инноваций. С другой стороны, она может устойчиво существовать только при доминировании проактивно-творческого типа экономического поведения, который системой сегодня не только не поощряется, но и активно подавляется сложившимися институциональными ловушками. Преодоление этого разрыва – синхронизация трансформации институтов, моделей поведения и кадрового потенциала – составляет центральную практическую проблему перехода к новой парадигме модернизации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что традиционная парадигма модернизации, редуцированная до валового накопления основного капитала, исчерпала свой потенциал. Анализ эволюции теоретических представлений, от классиков политической экономии до современных концепций инклюзивных институтов, выявил объективную логику движения от инвестиций к инновациям и далее – к целостной институциональной среде, порождающей качественное обновление. В рамках работы была подтверждена центральная гипотеза о становлении новой, комплексной институции – производственно-технологического созидания, приходящей на смену узко понимаемым институтам инвестирования.

Теоретико-методологический анализ, основанный на синтезе институционального и эволюционного подходов, показал, что данная институция представляет собой закономерный результат, зависящий от направления развития. Она формируется как ответ на системный кризис основного капитала, вышедшего за «пороговые значения» своей эффективности, что находит подтверждение в данных официальной статистики о критическом уровне износа в ключевых отраслях промышленности. Сущность этой институции раскрыта через единство трех измерений: философско-ценностного (ориентация на творчество и самореализацию в русле «философии активной жизни»), экономического (императив преодоления структурного кризиса) и поведенческого.

С научной точки зрения, значимость работы заключается в развитии институциональной теории модернизации путем введения и операционализации концепта «институция производственно-технологического созидания». Этот концепт позволяет преодолеть фрагментарный взгляд на модернизацию, интегрируя технологические, человеческие и институциональные факторы в единую теоретическую модель.

С практической стороны, полученные результаты задают вектор для корректировки экономической политики. Они свидетельствуют, что меры, направленные исключительно на стимулирование объемов инвестиций в основной капитал, без одновременного формирования среды, поощряющей проактивно-созидательное поведение и накопление интеллектуального капитала, будут демонстрировать ограниченную эффективность. Государственная и корпоративная политика должна быть переориентирована на целенаправленное конструирование институтов, которые делают стратегически выгодным именно творческое обновление, а не рентную адаптацию.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, это разработка системы индикаторов и методики для количественной оценки зрелости институции созидания на разных уровнях – от национальной экономики до отдельных корпораций. Во-вторых,

крайне продуктивным представляется сравнительный межстрановой анализ, позволяющий выявить успешные практики формирования подобной институциональной среды. Наконец, необходима глубокая проработка конкретных механизмов – фискальных, регуляторных, образовательных – стимулирования перехода от рентно-адаптивного к проактивно-созидательному типу экономического поведения. Решение этих задач откроет новые возможности для управления модернизационными процессами в условиях новой технологической реальности.

Литература

1. Аристотель. Политика. Книга 1. М.: Мысль, 1997.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Ленанд, 2016.
3. Всемирная организация интеллектуальной собственности. 2023. [Электронный ресурс]. URL: http://wipo_pub_943_2023.pdf (дата обращения: 13.10.2025).
4. Горелкина И.А., Беда Д.В. Инвестиции в основной капитал: современное состояние и проблемы // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 2. С. 127–134.
5. Ерзнкян Б.А., Делибашич М., Гргуревич Н. Институциональное поведение: теоретические вопросы и практические проявления // Экономическая наука современной России. 2014. № 4 (67). С.19–29.
6. Ермоленко А.А. Феномен «глобализированного национализма» в контексте новой экономической реальности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Экономика. Социология. Менеджмент». 2020. Т.10. №1. С.130–141.
7. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX –XXI вв.): в 2 т. Т.1. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 5–8.
8. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.
9. Мамедов О.Ю. Экономика инклюзивной цивилизации // Terra economicus. 2017. Том 15. №3. С.6–18.
10. Печчеи А. Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1985.
11. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития и гражданская культура // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3. С. 314–328.
12. Росстат : Статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/14304>.
13. Смит А. Исследование о природе и принципах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.
14. Стюарт Т. Богатство от ума. Минск: Парадокс, 2007.

15. Сухарев О.С. Инвестиционная функция экономического роста // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 1. С. 35–50.

16. Тамбовцев В.Л. Эволюция институтов или институциональные изменения? // Журнал институциональных исследований. 2024. Т. 16. № 1. С. 6-21. DOI 10.17835/2076-6297.2024.16.1.006-021.

17. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер ; [предисл. В.С. Автономова ; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко ; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева]. М. : Эксмо. 2008. 864 с.

18. Ханин Г.И. От экономики разрушения к экономике созидания: как провести этот переход с умом // Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А. И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013.

19. Чиканова Е.С. Институциональный дизайн новой экономической реальности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2024. Т. 13. № 4 (49). С. 55–58.

20. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. - Cambridge: Princeton University Press, 2009.

21. Williamson O. The Transaction Cost Economics Project // Montenegrin Journal of Economics. 2014. Vol. 10. № 1. P. 7–11.

References

1. Aristotel'. Politika. Kniga 1 [Politics. Book 1]. Moscow: Mysl'; 1997. (In Russ.)
2. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global'nyy kapital [Global capital]. Moscow: Lenand; 2016. (In Russ.)
3. World Intellectual Property Organization. World Intellectual Property Indicators 2023 [Electronic resource]. Available at: [wipo_pub_943_2023.pdf](#) (accessed 13.10.2025). (In Eng.)
4. Gorelkina I.A., Beda D.V. Investitsii v osnovnoy kapital: sovremennoe sostoyanie i problemy [Investment in fixed capital: current state and problems]. Innovatsionnye aspekty razvitiya nauki i tekhniki [Innovative Aspects of Science and Technology Development]. 2021;(2):127–134. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Erznkyan B.A., Delibashich M., Grgurevich N. Institutsional'noe povedenie: teoreticheskie voprosy i prakticheskie proyavleniya [Institutional behavior: theoretical issues and practical manifestations]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]. 2014;(4(67)):19–29. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Ermolenko A.A. Fenomen «globalizirovannogo natsionalizma» v kontekste novoy ekonomicheskoy real'nosti [The phenomenon of “globalized nationalism” in the context of a new economic reality]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceedings of South-West State University. Series: Economics, Sociology, Management]. 2020;10(1):130–141. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Inshakov O.V., Frolov D.P. Institutsionalizm v rossiyskoy ekonomicheskoy mysli (IX–XXI vv.): v 2 t. T. 1 [Institutionalism in Russian economic thought (9th–21st centuries): in 2 vols. Vol. 1]. Volgograd: VolGU; 2002:5–8. (In Russ.)

8. Kleiner G.B. Ekonomika ekosistem: shag v budushchee [Ecosystem economy: a step into the future]. Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]. 2019;(1(59)):40–45. (In Russ., abstract in Eng.)

9. Mamedov O.Yu. Ekonomika inklyuzivnoy tsivilizatsii [Economics of inclusive civilization]. Terra Economicus. 2017;15(3):6–18. (In Russ., abstract in Eng.)

10. Peccei A. Chelovecheskie kachestva [Human qualities]. Moscow: Progress; 1985. (In Russ.)

11. Polterovich V.M. Instituty dogonyayushchego razvitiya i grazhdanskaya kul'tura [Institutions of catch-up development and civic culture]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. 2017;205(3):314–328. (In Russ., abstract in Eng.)

12. Rosstat. Statistika [Statistics] [Electronic resource]. Available at: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/14304>. (In Russ.)

13. Smith A. Issledovanie o prirode i printsipakh bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Sotsekgiz; 1962. (In Russ.)

14. Stewart T. Bogatstvo ot uma [Intellectual capital]. Minsk: Paradoks; 2007. (In Russ.)

15. Sukharev O.S. Investitsionnaya funktsiya ekonomicheskogo rosta [Investment function of economic growth]. Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]. 2021;25(1):35–50. (In Russ., abstract in Eng.)

16. Tambovtsev V.L. Evolyutsiya institutov ili institutsional'nye izmeneniya? [Evolution of institutions or institutional changes?]. Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]. 2024;16(1):6–21. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.1.006-021> (In Russ., abstract in Eng.)

17. Schumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Eksmo; 2008. 864 p. (In Russ.)

18. Khanin G.I. Ot ekonomiki razrusheniya k ekonomike sozidaniya: kak provesti etot perekhod s umom [From the economy of destruction to the economy of creation]. In: Kolganov A.I. (ed.). Politekonomiya provala [Political economy of failure]. Moscow: Editorial URSS; 2013. (In Russ.)

19. Chikanova E.S. Institutsional'nyy dizayn novoy ekonomicheskoy real'nosti [Institutional design of the new economic reality]. Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management]. 2024;13(4(49)):55–58. (In Russ., abstract in Eng.)

20. Acemoglu D. Introduction to modern economic growth. Cambridge: Princeton University Press; 2009. (In Eng.)

21. Williamson O. The transaction cost economics project. Montenegrin Journal of Economics. 2014;10(1):7–11. (In Eng.)

© Чиканова Е.С., 2025 г.

